

83.3(2Рос=Рыч)
П62 - 456,
ТФ

~~3039~~

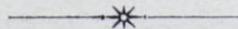
83.3(290с = 74с)1

п'62

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА

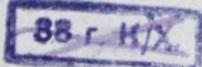
ТОЛСТОГО.

Л 158779-1 ТФ

Съ портретомъ, біографическимъ очеркомъ,
описаніемъ послѣднихъ дней Л. Н. Толстого и статьями
слѣдующихъ авторовъ:

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ, Д. Анучинъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, Т. Богдановичъ, Homo Novus, А. Горнфельдъ, В. Дорошевичъ, С. Елпатьевскій, Н. Златовратскій, А. Измайлова, Н. Карабчевскій, А. Кизеветтеръ, А. Ѳ. Кони, В. Короленко, А. Купринъ, Н. Лернеръ, М. Меньшиковъ, Д. Мережковскій, кн. В. Мещерскій, Вас. Немировичъ-Данченко, Д. Овсянико-Куликовскій, Г. Петровъ, И. Потапенко, А. Пругавинъ, Ф. Родичевъ, В. Розановъ, Мих. Стаковичъ, А. Столыпинъ, А. С. Суворинъ, Танъ, Н. Телешовъ, Тэффи, кн. Евгений Трубецкой, А. Хирьяковъ, В. Чертковъ, Александръ Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій, І. Ясинскій, А. Ѳедоровъ.

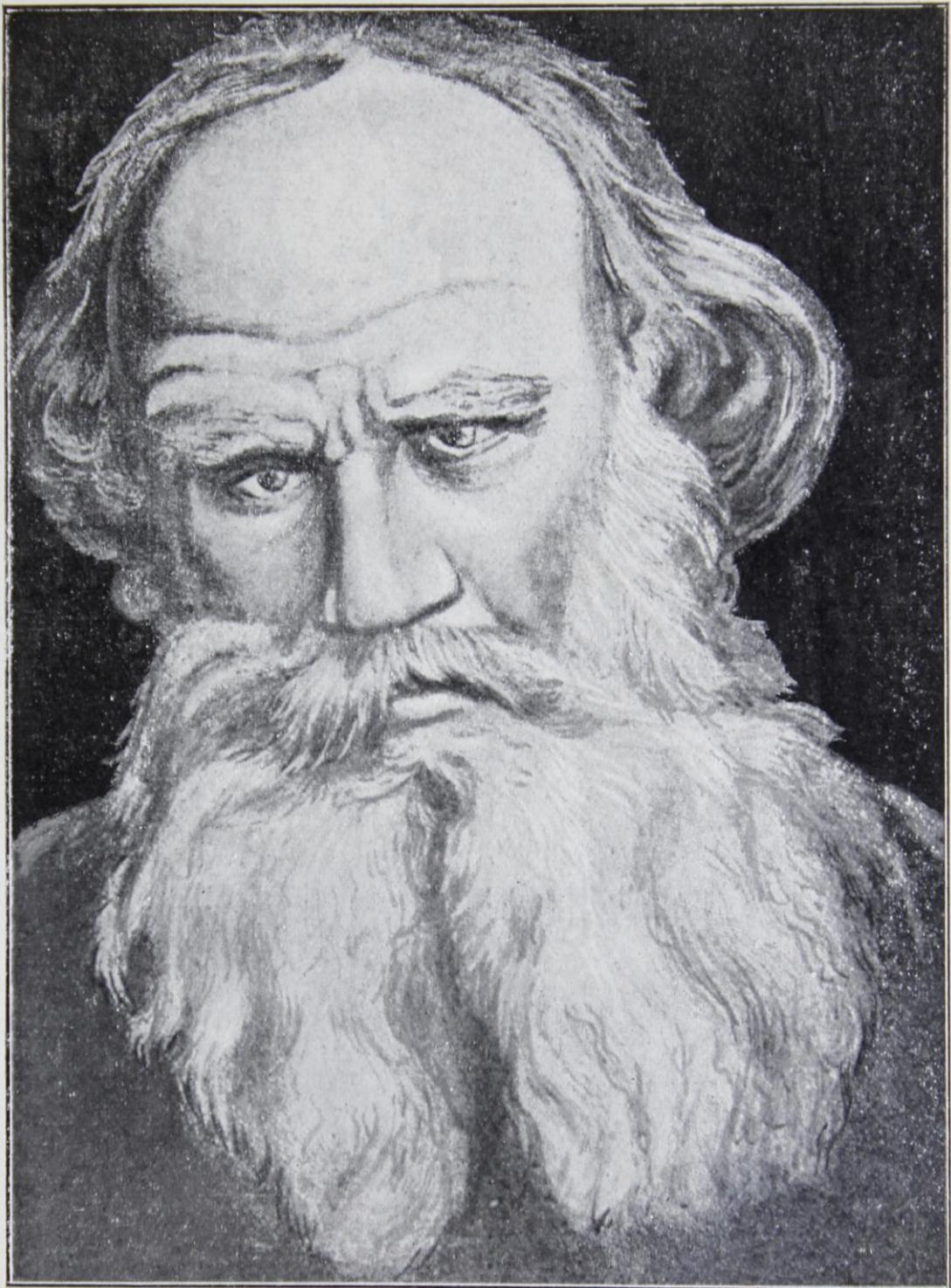
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгоиздательство „Воскресеніе“.

[(914)]

Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126 (уголъ Суворовскаго пр.).

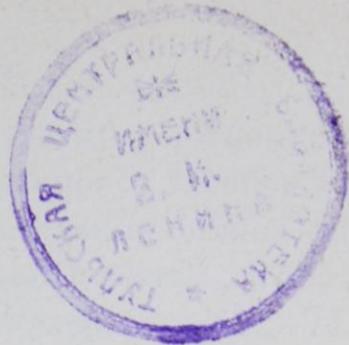

Левъ Николаевичъ Толстой.

(Съ портрета французскаго художника Мальтеста).

10

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Выпуская настоящій сборникъ издатели задались цѣлью собрать по возможности все наиболѣе выдающееся изъ того огромнаго матеріала, который появился въ первой половинѣ ноября с. г. въ печати о Лѣвѣ Николаевичѣ Толстомъ.

Предпосылая сборнику краткій біографіческій очеркъ, издатели весь остальной матеріалъ разбили на пять основныхъ отдѣловъ:

I. „Начало новой жизни Л. Н. Толстого“. Въ этотъ отдѣлъ вошло подробное описание ухода Л. Н. изъ „Ясной Поляны“ и слѣдовавшія за симъ события, — вплоть до болѣзни и остановки Л. Н. на ст. „Астапово“. Отдѣльные статьи въ этомъ отдѣлѣ посвящены Маріи Николаевнѣ Толстой, которую первой посѣтилъ Л. Н. послѣ своего отѣзда изъ „Ясной Поляны“ и Оптиной пустыни, гдѣ тоже побывалъ великий Старикъ. Остальной матеріалъ первого отдѣла является отзывами русскихъ и иностранныхъ писателей и дѣятелей, какъ въ передачѣ газетныхъ корреспондентовъ, такъ и въ оригиналѣ изложеніи самихъ авторовъ.

II. „Несбывшаяся мечта“. Тяжкая болѣзнь помѣшала величайшему и могущественнѣйшему изъ смертныхъ осуществить мечту о новой жизни. Въ этомъ отдѣлѣ мы даемъ связный разсказъ о ходѣ болѣзни Л. Н. и о всѣхъ сопутствующихъ эту болѣзнь обстоятельствахъ, вплоть до 5 час. утра 7 ноября.

III. „Смерть Льва Николаевича Толстого“. Этотъ отдѣлъ заканчиваетъ описательную сторону событія, о которыхъ хочется говорить не „произошли“, а „свершились“. Сюда вошли описанія перевозки праха Л. Н. и похоронъ въ „Ясной Полянѣ“.

IV. „Высшія гражданскія и духовныя власти и Л. Н. Толстой“. Этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ материаъль, характеризующій отношеніе къ уже мертвому Льву Николаевичу высшихъ гражданскихъ и духовныхъ лицъ: Государя, кабинета министровъ, Гос. Думы, Гос. Совѣта и, наконецъ, Синода, занявшаго въ отношеніи Льва Николаевича Толстого совершенно обособленную, одинокую позицію.

V. „Мировое значеніе генія Л. Н. Толстого“. Сюда вошли оригинальныя статьи, посвященные памяти и дѣятельности Л. Н. Толстого.

Первоначально мы предполагали дополнить это изданіе VI-ымъ отдѣломъ, который далъ бы представление о томъ, какъ откликнулись на смерть Толстого не только Россія и не Европа только, а весь міръ. Но послѣ окончательной сводки систематизированного материала за десять дней съ момента смерти Толстого выяснилось, что даже сухой перечень того, что сдѣлали или предполагаютъ сдѣлать различныя общества, учрежденія и организаціи въ ознаменованіе памяти Л. Н. Толстого долженъ составить отдѣльный объемистый томъ. Поэтому издатели вынуждены были отказаться отъ первоначального предположенія включить въ этотъ сборникъ VI-ый отдѣлъ.

Весь помѣщенный здѣсь материалъ заимствованъ изъ различныхъ периодическихъ изданій, причемъ фактическій материалъ подвергся — насколько было возможно — строгой проверкѣ, а часть статей — нѣкоторымъ сокращеніямъ.

Книгоиздательство „Воскресеніе“.

Послѣднія произведенія Л. Н. Толстого.

Дѣйствительное средство.

Само собою разумѣется, что очень радъ бы быть сдѣлать все, что могу, для противодѣйствія тому злу, которое такъ сильно и болѣзненно чувствуется всѣми лучшими людьми нашего времени.

Но думаю, что въ наше время для дѣйствительной борьбы съ смертной казнью нужны не проламываніи раскрытыхъ дверей; не выраженія негодованія противъ безнравственности, жестокости и безсмысленности смертной казни (всякій искренній и мыслящій человѣкъ и, кромѣ того, еще и знающій съ дѣтства шестую заповѣдь, не нуждается въ разъясненіяхъ безсмысленности и безнравственности смертной казни); не нужны также и описанія ужасовъ самаго совершенія казней; такія описанія могутъ только успѣшно подѣйствовать на самихъ палачей, такъ что люди будутъ менѣе охотно поступать на эти должности и исполнять ихъ, и правительству придется дороже оплачивать ихъ услуги.

И потому думаю, что главнымъ образомъ нужно не выраженіе негодованія противъ убийства себѣ подобныхъ, не внушеніе ужаса совершаемыхъ казней, а нѣчто совсѣмъ другое.

Какъ прекрасно говорить Кантъ, „есть такія заблу-

жденія, которая нельзя опровергнуть. Нужно сообщить заблуждающему уму такія знанія, которая его просвѣтить, тогда заблужденіе исчезнетъ само собою“.

Какія же знанія нужно сообщать заблуждающему уму человѣческому о необходимости, полезности, справедливости смертной казни, для того, чтобы заблужденіе это уничтожилось само собой.

Такое знаніе, по моему мнѣнію есть только одно: знаніе того, что такое человѣкъ, каково его отношеніе къ окружающему его миру, или, что одно и то же, въ чёмъ его назначеніе и потому что можетъ и долженъ дѣлать каждый человѣкъ, а, главное, что не можетъ и не долженъ дѣлать.

И потому, если ужъ бороться съ смертной казнью, то бороться только тѣмъ, чтобы внушать

•
•
•
•
этимъ людямъ то знаніе, которое одно можетъ освободить ихъ отъ ихъ заблужденія.

Знаю, что дѣло это нелегкое

•
•
•
•
И потому, если мы точно хотимъ уничтожить заблужденіе смертной казни, и главное, если имѣемъ то знаніе, которое уничтожаетъ это заблужденіе, то давайте же будемъ, несмотря ни на [какія угрозы,] лишенія, страданія, сообщать людямъ это знаніе, потому что это единственное дѣйствительное средство борьбы.

Л. Толстой.

Оптина пустынь.
29 октября 1910 г.

Послѣднєе письмо.

Какъ нельзя болѣе своевременно, вышли изъ печати „Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 гг.“. 281 письмо великаго писателя, къ имени котораго приковано вниманіе всего міра, открываютъ цѣлые страницы душевной жизни великаго человѣка, во всей своей необъятной мощи далеко намъ неясной.

Послѣднєе письмо, какое мы находимъ въ книгѣ, относится къ 24 октября 1910 г. и адресовано крестьянину М. П. Н-ву.

Л. Н. Толстой пишетъ:

„Михаилъ Петровичъ. Въ связи съ тѣмъ, что я говорилъ вамъ передъ вашимъ уходомъ, обращаюсь къ вамъ еще съ слѣдующей просьбой: если бы, дѣйствительно, случилось то, чтобы я прїѣхалъ къ вамъ, то не могли бы вы найти мнѣ у васъ въ деревнѣ, хотя бы маленькую, но отдельную и теплую хату, такъ что васъ съ семьей я бы стѣснялъ самое короткое время. Еще сообщаю вамъ то, что если бы мнѣ пришлось телеграфировать вамъ, то я телеграфировалъ бы вамъ не отъ своего имени, а отъ Г. Николаева.

Буду ждать вашего отвѣта, дружески жму руку.

Левъ Толстой.

Имѣйте въ виду, что все это должно быть известно только вамъ однимъ.

Л. Т.“

Около мѣсяца тому назадъ я,—рассказываетъ въ „Рѣчи“ г. К. Чуковскій,— обратился ко Льву Николаевичу съ просьбой высказать снова свое мнѣніе о смертныхъ казняхъ, и получилъ отъ его дочери, Александры Львовны, извѣщеніе, что просьба моя будетъ исполнена.

— „Все это время—писала Александра Львовна,—отецъ чувствовалъ себя незддоровымъ и только теперь занялся письмомъ о смертной казни, о чёмъ и просить извѣстить васъ“.

Письмо Александры Львовны помѣчено 27 октября,—и такимъ образомъ видно, что въ послѣдній день своего пребыванія въ Ясной Полянѣ Левъ Николаевичъ писалъ о смертной казни

Дома онъ не успѣлъ закончить свою статью и, прибывши въ Оптину Пустынь, снова принялся за нее. Утромъ 29-го октября прїѣхалъ къ нему, по порученію Александры Львовны, юноша - Сергѣенко (котораго ошибочно смѣшиваютъ съ писателемъ П. А. Сергѣенко, авторомъ книги о Толстомъ). Левъ Николаевичъ, увидя юношу, очень ему обрадовался. Онъ встрѣтилъ его въ монастырскомъ коридорчикѣ и сперва не узналъ, но узнавши, воскликнулъ:

— Ахъ, батюшки! Ты какъ сюда попалъ?

Юноша хотѣлъ передать ему кое-какія извѣстія о Ясной Полянѣ, но Л. Н. сказалъ: „подожди“ — и принялся за продолженіе статьи. Юноша хотѣлъ удалиться, но Л. Н. сказалъ:

— Вотъ, только прїѣхалъ, сейчасъ же тебѣ работа!

И продиктовалъ изъ своей записной книжки твердымъ, увѣреннымъ голосомъ послѣднія строки статьи:

„И потому, если мы точно хотимъ уничтожить заблужденіе смертной казни, и, главное, если мы имѣемъ то знаніе, которое уничтожаетъ это заблужденіе, то давайте же, будемъ, несмотря ни на какія угрозы, лишенія и страданія, сообщать людямъ это знаніе, потому что это единственное дѣйствительное средство борьбы“.

— Ну, вотъ, кажется, теперь мнѣ удалось выразить,— сказалъ онъ,—и, только покончивъ со статьею, перешелъ къ разспросамъ о дѣлѣ, а потомъ опять вернулся къ статьѣ.

— Эту статью надо отослать такому-то. Они хотятъ помѣстить ее въ „Рѣчи“. Ты слыхалъ объ этомъ?

Сергѣенко отвѣтилъ: да, и Л. Н., уйдя на прогулку попросилъ его переписать эту статью. Тотъ переписалъ, и, хотя Л. Н. вернулся съ прогулки очень усталый, но даже не присѣлъ отдохнуть, а тотчасъ же сталъ перечитывать рукопись и, сдѣлавъ въ ней своею рукой много поправокъ, очень четко и твердо подписалъ свое имя. Несмотря на всѣ послѣдующія события, Л. Н. не разъ возвращался къ своей статьѣ. Изъ Оптино Пустыни въ Шемардино онъѣхалъ одинъ, а сзади, въ другихъ саняхъ, слѣдовали за нимъ д-ръ Маковецкій и „Алеша“. Юноша часто выскакивалъ изъ саней, подбѣгалъ ко Льву Николаевичу — скажетъ нѣсколько словъ и — обратно.

Л. Н. былъ очень бодръ, восхищался окрестностью старыми деревьями вдоль большака, избами, крышами и т. д. Завелъ разговоръ съ ямщикомъ, высчитывалъ, сколько тотъ тратить въ годъ на водку и на табакъ, и такъ растрогалъ крестьянина, что онъ разрыдался. Потомъ внезапно остановилъ свои сани и, когда къ нему подбѣжалъ „Алеша“, сказалъ:

— Что-то хотѣлъ тебѣ сказать, и забылъ. Когда вспомню, позову тебя вновь.

Поѣхали дальше и вдругъ Толстой закричалъ: „вспомнилъ, Алеша, вспомнилъ“!

Юноша вдругъ подбѣжалъ.

— Ахъ, какъ ты скоро бѣгаешь. — Я насчетъ статьи. Передай Сашѣ (Александрѣ Львовнѣ), чтобы она переписала, и если Владиміру Григорьевичу (Черткову) статья понравится, пусть онъ пошлетъ ее Чуковскому.

Умирая въ Астаповѣ, Л. Н. снова вспомнилъ объ этой статьѣ и говорилъ о ней Ив. Ив. Горбунову-Посадову (руководителю издательства „Посредникъ“).

Третьего дня, поклонившись великой могилѣ, я уѣз-

жалъ изъ Ясной Поляны, и В. Г. Чертковъ передалъ мнѣ эту послѣднюю статью Льва Николаевича, который передъ смертью высказывалъ не разъ желаніе, чтобы гонораръ за его посмертныя произведенія былъ обращенъ на выкупъ Ясной Поляны въ пользу мѣстныхъ крестьянъ.

Біографический очеркъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ О СВОЕЙ ЖИЗНИ.

Когда П. Бирюковъ задумалъ написать біографію Толстого, онъ попросилъ Л. Н. сообщить ему нѣкоторыя біографические свѣдѣнія.

„Мнѣ очень хотѣлось исполнить его желаніе,—рассказывалъ Левъ Николаевичъ—и я сталъ въ воображеніи составлять свою біографію. Сначала я незамѣтно для себя самымъ естественнымъ образомъ сталъ вспоминать только одно хорошее моей жизни, только, какъ тѣни на картинѣ, присоединяя къ этому хорошему мрачныя, дурныя стороны, поступки моей жизни. Но, вдумываясь болѣе серьезно въ события моей жизни, я увидалъ, что такая біографія была бы хотя и не прямая ложь, но ложь, вслѣдствіе невѣрнаго освѣщенія и выставленія хорошаго и умолчанія или сглаживанія всего дурного. Когда же я подумалъ о томъ, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся передъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое должна бы была произвести такая біографія. Въ это время я заболѣлъ. И во время невольной праздности—болѣзни мысль моя все время обращалась къ воспоминаніямъ, и эти воспоминанія были ужасны.

Я съ величайшей силой испыталъ то, что говорить Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Воспоминаніе“:

„Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмъя стогна града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительного бдѣнья.
Въ бездѣйствіи ночныхъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрозы;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,

Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
 Воспоминаніе безмолвно предо мной
 Свой длинный развиваетъ свитокъ,
 И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклинаю,
 И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
 Но строкъ печальныхъ не смываю".

Въ послѣдней строкѣ я только измѣнилъ бы такъ,—
 вмѣсто „строкъ печальныхъ“... поставилъ бы: „строкъ по-
 стыдныхъ не смываю“.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ я написалъ у себя въ днев-
 никѣ слѣдующее:

„6 января 1903 г. Я теперь испытываю муки ада: вспо-
 минаю всю мерзость своей прежней жизни, и воспомина-
 нія эти не оставляютъ меня и отравляютъ жизнь. Обыкно-
 венно жалѣютъ о томъ, что личность не удерживаетъ вос-
 поминанія послѣ смерти. Какое счастіе, что этого нѣтъ!
 Какое бы было мученіе, если бы я въ этой жизни по-
 мнилъ все дурное, мучительное для совѣсти, что я совер-
 шилъ въ предшествующей жизни! А если помнить хоро-
 шее, то надо помнить и все дурное. Какое счастіе, что
 воспоминаніе исчезаетъ со смертью и остается одно созна-
 ніе,—сознаніе, которое представляетъ какъ бы общій вы-
 водъ изъ хорошаго и дурного, какъ бы сложное уравне-
 ніе, сведенное къ самому простому его выраженію: $x =$ по-
 ложительной или отрицательной, большой или малой
 величинѣ!"

„Да, великое счастіе—уничтоженіе воспоминанія, съ
 нимъ нельзя бы жить радостно. Теперь же, съ уничтоже-
 ниемъ воспоминанія, мы вступаемъ въ жизнь съ чистой,
 бѣлой страницей, на которой можно писать вновь хорошее
 и дурное“.

Правда, что не вся моя жизнь была такъ ужасно дурна,—
 такимъ былъ только 20 лѣтній періодъ єя; правда и то,
 что и въ этотъ періодъ жизнь моя не была сплошнымъ
 зломъ, какимъ она представлялась мнѣ во время болѣзни,
 и что и въ этотъ періодъ во мнѣ пробуждались порывы
 къ добру, хотя и не долго продолжавшіеся и скоро заглу-
 шаемые ничѣмъ не сдерживаемыми страстями. Но все таки
 эта моя работа мысли, особенно во время болѣзни, ясно
 показала мнѣ, что моя біографія, какъ пишутъ обыкно-
 венно біографіи, съ умолчаніемъ о всей гадости и пре-
 ступности моей жизни, была бы ложь, и что если писать

біографію, то надо писать всю настоящую правду. Только такая біографія, какъ ни стыдно мнѣ будетъ писать ее, можетъ имѣть настоящій и плодотворный интересъ для читателей. Вспоминая такъ свою жизнь, т.-е. разсматривая ее съ точки зрѣнія добра и зла, которыя я дѣлалъ, я увидѣлъ, что вся моя длинная жизнь распадается на четыре периода: тотъ чудный, въ особенности въ сравненіи съ послѣдующимъ, невинный, радостный, поэтическій періодъ дѣтства до 14 лѣтъ, потомъ второй—ужасные 20 лѣтъ или періодъ грубой распущенности, служенія честолюбію, тщеславію и, главное, похоти, потомъ третій 18 лѣтній періодъ, отъ женитьбы и до моего духовнаго рожденія, который съ мірской точки зрѣнія можно бы назвать нравственнымъ, т.-е. въ эти 18 лѣтъ я жилъ правильной, честной, семейной жизнью, не предаваясь никакимъ осуждаемымъ общественнымъ мнѣніемъ порокамъ, но всѣ интересы котораго ограничивались эгоистическими заботами о семье, объ увеличеніи состоянія, о пріобрѣтеніи литературнаго успѣха и всякаго рода удовольствіями.

И, наконецъ, четвертый 20-лѣтній періодъ, въ которомъ я живу теперь, и въ которомъ надѣюсь умереть, и съ точки зрѣнія котораго явижу все значеніе прошедшей жизни, и котораго я ни въ чемъ не желалъ бы измѣнить, кромѣ какъ въ тѣхъ привычкахъ зла, которыя усвоены мною въ прошедшіе періоды.

Такую исторію жизни всѣхъ этихъ четырехъ періодовъ, совсѣмъ правдивую, я хотѣлъ бы написать, если Богъ дастъ мнѣ силы и жизни. Я думаю, что такая написанная мною біографія, хотя бы и съ большими недостатками, будетъ полезнѣе для людей, чѣмъ вся та художественная болтовня, которой наполнены мои 12 томовъ сочиненій и которымъ люди нашего времени приписываютъ незаслуженное ими значеніе“.

ДѢТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ.

Родъ дворянъ и графовъ Толстыхъ принято считать ведущимъ свое начало отъ нѣкоего „выходца изъ нѣмецъ“, Индриса, въ православіи Леонтия, который, по свидѣтель-

ству черниговской лѣтописи, прибылъ въ 1353 г. въ Черниговъ, съ двумя сыновьями и трехтысячною дружиною. Младшій сынъ Леонтія, Феодоръ, умеръ бездѣтнымъ, а отъ старшаго его сына, Константина Леонтьевича, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ родовъ повель свое начало и родъ Толстыхъ, въ графской отрасли котораго графъ Левъ Николаевичъ числится отъ родоначальника Индриса въ 20-мъ колѣнѣ.

Дѣйствительно ли родъ Толстыхъ происходитъ отъ „Индриса“, въ этомъ позволительно усомниться, имѣя въ виду то соображеніе, о которомъ говоритъ графъ Сергѣй Львовичъ Толстой.

Такъ какъ гербы русскихъ дворянъ пошли только съ Петра I, а всѣмъ хотѣлось имѣть гербы, то многіе—и вѣроятно, въ томъ числѣ Толстые, выдумывали, что они происходятъ отъ знатныхъ иностранныхъ родовъ, у которыхъ есть старинные гербы. Поэтому, весьма вѣроятно, что вся исторія съ Индрисомъ есть вымыселъ, сочиненный для того, чтобы Толстые и другіе потомки Индриса имѣли гербъ. И, дѣйствительно, предположеніе, что Л. Н. Толстой нѣмецкаго происхожденія, является нелѣпостью.

Левъ Николаевичъ родился 28 августа 1828 г. въ деревнѣ „Ясная Поляна“, находящейся въ Крапивинскомъ уѣздѣ, Тульской губ., почти на границѣ Тульскаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ Тулы.

„Матери своей—говорить въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Л. Н.—я совершенно не помню. Мнѣ было $1\frac{1}{2}$ года, когда она скончалась. Она, очевидно, духовно была выше отца и его семьи, за исключеніемъ разъѣ Татьяны Александровны Ергольской, съ которой я прожилъ половину своей жизни, и которая была замѣчательная по нравственнымъ качествамъ женщина. Во всѣхъ семьяхъ бываютъ періоды, когда болѣзни и смерти еще отсутствуютъ и члены семьи живутъ спокойно. Такой періодъ, какъ мнѣ думается, переживала мать въ семье мужа до своей смерти. Никто не умиралъ, никто серьезно не болѣлъ, разстроенные дѣла отца поправлялись. Всѣ были здоровы, веселы и дружны. Отецъ веселилъ всѣхъ своими разсказами и шутками. Я не засталъ этого времени. Когда я сталъ помнить себя, уже смерть матери положила свою печать на жизнь нашей семьи. Отецъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, живой сангвиникъ съ пріятнымъ лицомъ и съ всегда гру-

стными глазами. Жизнь его проходила въ занятіяхъ хозяйствомъ, въ которомъ онъ, кажется, не былъ большой знатокъ, но въ которомъ онъ имѣлъ для того времени большое качество: онъ былъ не только не жестокъ, но скорѣе даже слабъ. Такъ что и за его время я никогда не слыхалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Вѣроятно, эти наказанія производились. Я очень любилъ отца, но не зналъ еще, какъ сильна была эта моя любовь къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ“.

„Третье, послѣ отца и матери, самое важное въ смыслѣ вліянія на мою жизнь была тетенька, какъ мы назвали ее, Татьяна Александровна Ергольская. Она была очень дальняя по Горчаковымъ родственница бабушки. Вліяніе это было, во первыхъ, въ томъ, что еще въ дѣтства она научила меня духовному наслажденію любви. Она не словами учила меня этому, а всѣмъ своимъ существомъ заражала меня любовью. Я видѣлъ, чувствовалъ, какъ хорошо ей было любить, и понялъ счастье любви. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни“.

Николай Ильичъ Толстой умеръ, когда Льву Николаевичу было всего 9 лѣтъ. Смерть отца была однимъ изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній дѣтства Льва Николаевича. Левъ Николаевичъ говорилъ, что смерть эта въ первый разъ вызвала въ немъ чувство религіознаго ужаса передъ вопросами жизни и смерти. Такъ какъ отецъ умеръ не при немъ, онъ долго не могъ вѣрить тому, что его ужъ неѣть. Долго послѣ этого, глядя на незнакомыхъ людей на улицахъ Москвы, ему не только казалось, но онъ почти былъ увѣренъ, что вотъ-вотъ онъ встрѣтить живого отца.

Итакъ, еще въ раннемъ дѣтствѣ Л. Н. почувствовалъ дыханіе смерти, унесшей двухъ самыхъ близкихъ, горячо любимыхъ людей. Что онъ переживалъ, можно видѣть изъ „Дѣтства“, въ которомъ Николенька Иртеньевъ— самъ Левъ Толстой.

Николенька смотрѣтъ на мать, лежащую въ гробу.

„Я не могъ повѣрить, чтобы это было ея лицо. Я сталъ вглядываться въ него пристальнѣе и мало по-малу сталъ узнавать въ немъ знакомыя, милыя черты. Я вздрогнулъ отъ ужаса, когда убѣдился, что это была она; но отчего закрытые глаза такъ впали? отчего эта страшная блѣдность и на одной щекѣ черноватое пятно подъ прозрачною кожей?

„...Панихида кончилась; лицо покойницы было открыто, и все присутствующие, исключая насъ, одинъ за другимъ, стали подходить къ гробу и прикладываться... Одна изъ послѣднихъ подошла проститься съ покойницей какая-то крестьянка съ хорошенькою пятилѣтней дѣвочкой на рукахъ, которую, Богъ знаетъ зачѣмъ, она принесла сюда. Въ это время я нечаянно уронилъ свой мокрый платокъ и хотѣлъ поднять его; но только-что я нагнулся, меня поразилъ страшный пронзительный крикъ исполненный такого ужаса, что, проживи я сто лѣтъ я никогда его не забуду и, когда вспомню, всегда пробѣжитъ холодная дрожь по моему тѣлу. Я поднялъ голову—на табуретѣ, подлѣ гроба, стояла та же крестьянка и съ трудомъ удерживала въ рукахъ дѣвочку, которая, отмахиваясь рученками откинувъ назадъ испуганное лицико и уставивъ выпученные глаза на лицо покойницы, кричала страшнымъ неистовыемъ голосомъ. Я вскрикнулъ голосомъ, который, я думаю, былъ еще ужаснѣе того, который поразилъ меня, и выбѣжалъ изъ комнаты“.

— Можно сказать, замѣчаетъ по этому поводу Д. Мережковскій, что тотъ безумный крикъ никогда съ тѣхъ поръ не умолкалъ въ произведеніяхъ Л. Толстого. Душу цѣлаго поколѣнія заразилъ онъ своимъ ужасомъ. Если въ наше время люди боятся смерти, съ такой постыдной судорогой, какой еще никогда не бывало, если у всѣхъ насъ, въ глубинѣ сердца, въ крови и въ плоти есть эта „холодная дрожь“, до мозга костей пробирающій ознобъ, о которомъ Данте говоритъ по поводу грѣшниковъ, замерзшихъ въ адскомъ озерѣ: „тогда прошелъ по мнѣ ознобъ, онъ и теперь по мнѣ, какъ вспомню ихъ, проходитъ“, то въ значительной мѣрѣ мы этимъ всѣмъ обязаны Л. Толстому.

Онъ заимствовалъ, впрочемъ, разсказъ о смерти матери Николая Иртеньева не изъ собственныхъ воспоминаній: мать Льва Николаевича умерла, когда ему было года три; помнить ее не могъ онъ и при смерти ея не присутствовалъ. Повидимому, однако, въ разсказѣ героя „Дѣтства“ онъ изображаетъ съ такою ужасающею, почти циническою, отталкивающею правдою страхъ смерти, врожденный въ него, въ такой мѣрѣ ему одному свойственный, пробудившійся въ немъ съ первыми проблесками сознанія и съ тѣхъ поръ никогда его не покидавшій, много разъ проявлявшійся въ его произведеніяхъ.

Изъ яркихъ впечатлѣній дѣтства Л. Н. испоминать, какъ однажды за что то, „но за что-то самое незаслуживающее наказанія“, гувернеръ французъ St. Thomas, „во-первыхъ, заперъ меня—разсказываетъ Л. Н.—въ комнатѣ, а потомъ угрожалъ розгой. И я испыталъ ужасное чувство негодованія и возмущенія и отвращенія не только къ Thomas, но и къ тому насилию, которое онъ хотѣлъ употребить надо мной. Едва-ли этотъ случай не былъ причиной того ужаса и отвращенія передъ всякаго рода насилиемъ, которое испытываю всю свою жизнь“.

Чѣмъ былъ въ ранніе годы своей жизни Л. Н., что онъ думалъ и какъ чувствовалъ себя, можно видѣть изъ его „Дѣтства“, „Отрочества“ и „Юности“.

Левъ Николаевичъ—Николенька Иртеньевъ—очень тяготился своей внѣшностью:

„Я имѣлъ странныя понятія о красотѣ, — даже Карла Ивановича считалъ первымъ красавцемъ въ мірѣ; но очень хорошо зналъ, что я нехорошъ собою, и въ этомъ никакъ не ошибался; поэтому каждый намекъ на мою наружность больно оскорблялъ меня. ...На меня часто находили минуты отчаянія: я воображалъ, что нѣть счастья на землѣ для человѣка съ такимъ широкимъ носомъ, толстыми губами и маленькими сѣрыми глазами, какъ я; я просилъ Бога сдѣлать чудо — превратить меня въ красавца, и все, что имѣль въ настоящемъ, все, что могъ имѣть въ будущемъ, я все отдалъ бы за красивое лицо“.

Это чувство стыда за свою внѣшность заставляло очень самолюбиваго ребенка часто замыкаться въ себя, въ свои тайные помыслы и чувства, и это то и помогло крайне раннему развитію Льва Николаевича.

Переходъ отъ дѣтства къ отрочеству ознаменовался у Л. Н. пробужденіемъ сознательной, ясной мысли, которая словно открыла глаза мальчика на смыслъ и значеніе совершающагося вокругъ: будто всѣ предметы вдругъ повернулись къ нему другою, неизвѣстною еще стороною. „Мнѣ въ первый разъ, — говорить Л. Н. устами Николеньки, — пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, то-есть наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около нась, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего не имѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о нась и даже неимѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ

все это, но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ”...

Въ Л. Н. страсть къ философскимъ разсужденіямъ сказалась такъ рано, что онъ считаетъ нужнымъ оговориться: „Едва-ли мнѣ повѣрять,—говорить Левъ Николаевичъ отъ имени Николеньки, — какіе были любимѣйшіе и постояннѣйшіе предметы моихъ размышеній во время моего отрочества, — такъ они были несообразны съ моимъ возрастомъ и положеніемъ. Но, по моему мнѣнію, несообразность между положеніемъ человѣка и его моральной дѣятельностью есть вѣрнѣйшій признакъ истины. Разъ мнѣ пришла мысль, что счастіе не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ, и, чтобы пріучить себя къ труду, я, несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ такъ болѣно, что слезы невольно выступали на глазахъ Другой разъ, вспомнивъ вдругъ, что смерть ожидаетъ меня каждый часъ, каждую минуту, я рѣшилъ, не понимая, какъ не поняли того до сихъ поръ люди, что человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ, какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ, — и я три дня, подъ вліяніемъ этой мысли, бросиль уроки и занимался только тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-нибудь романа и ъдой пряниковъ съ кроновскимъ медомъ, которыя я покупалъ на послѣднія деньги”.

„Но ни однимъ изъ всѣхъ философскихъ направленій,— продолжалъ свой разсказъ Левъ Николаевичъ,— я не увлекался такъ, какъ скептицизмъ, который одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ, что, кромѣ меня, никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы — не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестану думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ. Однимъ словомъ, я сошелся съ Шеллингомъ въ убѣжденіи, что существуютъ не предметы, а мое отношеніе къ нимъ. Были минуты, что я подъ вліяніемъ этой постоянной идеи доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро отглядывался въ противоположную сторону, надѣясь

врасплохъ застать пустоту (néant) тамъ, гдѣ меня не было“.

Въ 1841 г. братья Толстые перѣхали въ Казань, а спустя три года Л. Н., желая быть дипломатомъ, поступилъ на восточный факультетъ Казанского университета, въ которомъ учились его старшіе братья. Сдѣлавшись студентомъ, Л. Н. не пропускалъ ни одного бала, вечера, примкнувъ къ „клубу аристократовъ“.

Студенты-аристократы держали себя гордо и не стремились заслужить любовь товарищей не аристократовъ. Одинъ изъ товарищъ Толстого, студентъ Назарьевъ, присутствовавшій съ нимъ въ одно время на лекціяхъ по русской литературѣ у профессора эстетики, описываетъ молодого графа, какъ чопорнаго и надменнаго юношу: „Его напускная холодность, щетинистые волосы и презрительное выраженіе прищуренныхъ глазъ производили на меня отталкивающее впечатлѣніе“. „Въ первый разъ въ моей жизни, — разсказываетъ онъ далѣе, — встрѣтился я юношу, преисполненнаго такой странной и непонятной для меня важности и самодовольства. Профессора, одѣтаго по обыкновенію въ полуженскій халатъ,—казалось, ничуть не стѣсняло присутствіе гордаго юноши.. Послѣ лекціи графъ Толстой уходилъ отъ профессора, даже не прощааясь съ нимъ“.

Уже въ ту пору Толстой сталъ неуважительно относиться къ наукѣ и къ ея разсадникамъ-университетамъ.

По мнѣнію Толстого, университетъ, „храмъ науки“, какъ онъ называлъ его, — былъ безполезнымъ учрежденіемъ, откуда выходятъ люди безполезные, какъ для общественной жизни, такъ и для государственной, безъ пользы для себя и своихъ ближнихъ. Въ молодомъ 19-ти-лѣтнемъ студентѣ все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе въ томъ, что изъ университетскихъ стѣнъ „полезнымъ и знающимъ человѣкомъ“ ему не выйти, что изъ Казани ничего не принесетъ онъ „восвояси“, развѣ только умъ и душу, уставшіе и измельчавшіе отъ чада провинціальной свѣтской жизни, отъ подневольнаго, хотя бы и пассивнаго, участія въ ея мелкихъ и суэтныхъ интересахъ.

Бедя разсѣянный, „свѣтскій“ образъ жизни, Толстой не выдержалъ экзамена и долженъ былъ остаться на второй годъ на первомъ курсѣ, но онъ предпочелъ перейти на юридическій факультетъ, со второго курса котораго на

другой годъ Л. Н. и ушелъ совсѣмъ изъ университета. „Причинъ выхода моего изъ университета—замѣчаетъ самъ Л. Н.—было двѣ: 1) что братъ (Николай) кончилъ курсъ и уѣзжалъ, 2) какъ это ни странно сказать, работа съ „Наказомъ“ и „Esprit des lois“ (она и теперь есть у меня) открыла мнѣ новую область умственного самостоятельного труда, а университетъ съ своими требованіями не только не содѣйствовалъ такой работѣ, но мѣшалъ ей“.

Сущность взгляда Л. Н. на жизнь уже въ эти юношеские годы заключалась,— по его словамъ,— въ томъ, что „настоящее стремленіе человѣка есть нравственное усовершенствованіе и что это усовершенствованіе легко и возможно. Но до сихъ поръ я терялъ время только на открытие новыхъ истинъ, которые соотвѣтствовали этому убѣждению и на осуществленіе блестящихъ плановъ нравственной, полной дѣятельности, будущности, которые въ сущности говорили моему чувству больше, нежели уму, но пришло время, когда эти мысли съ такой силой нравственного открытия предстали моей душѣ, что я испугался, когда подумалъ, сколько времени я потерялъ даромъ, и я тотчасъ же пожелалъ эти мысли примѣнить къ дѣлу съ твердымъ намѣреніемъ никогда имъ не измѣнять“.

Рѣшившись оставить университетъ и перебѣхать въ деревню, Левъ Николаевичъ поставилъ себѣ цѣлью изучить юридическія науки, медицину, пять иностраннѣхъ языковъ, математику, исторію, географію и пр. и проч., составить сочиненія по всѣмъ этимъ предметамъ и достигнуть высшей степени совершенства въ музыкѣ и живописи.

Вся послѣдующая жизнь Льва Николаевича въ деревнѣ—замѣчаетъ г. Бирюковъ—была исполнена такихъ мечтаній, благихъ начинаній и серьезной искренней борьбой надъ самимъ собой въ стремленіи къ совершенствованію.

„Исповѣдь“ Льва Николаевича раскрываетъ намъ его внутренній міръ того времени еще съ другой стороны—религіозной. „Помню,—говоритъ Левъ Николаевичъ,—что, когда старшій братъ мой Дмитрій, будучи въ университѣтѣ, вдругъ со свойственной его натурѣ страстностью предался вѣрѣ и сталъ ходить ко всѣмъ службамъ, поститься, вести чистую, нравственную жизнь, то мы всѣ и даже старшіе, не переставая, поднимали его на смѣхъ и прозвали почему то Ноемъ. Помню, Мусинъ-Пушкинъ, бывшій тогда попечителемъ Казанскаго университета, звав-

шій нась къ себѣ танцоватъ, на смѣшилово уговариватъ отказывающагося брата тѣмъ, что и Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ. Я сочувствовалъ тогда этимъ шуткамъ старшихъ и выводилъ изъ нихъ заключеніе о томъ, что учить катехизисъ надо, ходить въ церковь надо но слишкомъ серьезно всего этого не надо принимать. Помню еще, что я очень молодымъ читалъ Вольтера, и на смѣшки его не только не возмущали, но очень веселили меня.

„Отпаденіе мое отъ вѣры произошло во мнѣ такъ же, какъ оно происходило и происходитъ теперь въ людяхъ нашего склада образованія Оно, какъ мнѣ кажется, проходитъ бѣльшинствѣ случаевъ такъ: люди живутъ такъ, какъ всѣ живутъ, а всѣ живутъ на основаніи началъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ вѣроученіемъ, но большею частью противоположныхъ ему; вѣроученіе не участвуетъ въ жизни, а въ сношеніяхъ съ другими людьми никогда не приходится сталкиваться съ нимъ и самому въ собственной жизни никогда не приходится справляться съ нимъ; вѣроученіе это исповѣдуется гдѣ-то тамъ, вдали отъ жизни и независимо отъ нея, если сталкиваешься съ нимъ, то только какъ съ внѣшнимъ, не связаннымъ съ жизнью явленіемъ“.

БОРЬБА СЪ САМИМЪ СОБОЮ.

Переѣздъ въ „Ясную Поляну“ положилъ начало тому десятилетнему періоду жизни Толстого, о которомъ много лѣтъ спустя Л. Н. отзывался въ „Исповѣди“ такъ:

„Когда-нибудь я разскажу исторію моей жизни—и трогательную и поучительную въ эти десять лѣтъ моей моло-дости. Думаю, что многіе и многіе испытали то же. Я всей душой желалъ быть хорошимъ; но я былъ молодъ, у меня были страсти, я былъ одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, когда я пытался высказывать то, что составляло самая задушевныя моя желанія, то, что я хочу быть нравственно хорошимъ, я встрѣчалъ презрѣніе и на-смѣшки; а какъ только я предавался гадкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли. Честолюбіе, властолюбіе, ко-